

Миссия Гюса

Драма в стихах

*Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
А. С. Пушкин*

Пролог

*

Тяжелые тучи летят над тобой,
Жестокие ветры гудят.
Неведомый путь предначертан судьбой,
Неясная цель, неизбывная боль,
И цепь безвозвратных утрат.

Никто никогда не сумеет понять:
Куда, словно тройка, летишь?
То силе несметной тебя не сломать,
То в смутной тоске можешь всё потерять,
Любую утрату простишь.

Сильнее нашествий просторы любви,
Души удивительный строй.
Нельзя разобратся, понять, уловить,
Но нужно любую ценой погасить
Огонь возрождения твой.

Все силы, всё золото, чёрная тьма —
Пускаются в новый поход.
И чтоб ты понять не сумела сама,
Начнёт разъедать изнутри кутерьма
Привычный к страданьям народ.

Но светоч души до сих пор не потух
От смрадного духа тельца.
Поэтому, не прекращая потуг,
Всё новые силы врываются в круг,
Чтоб свет истребить до конца.

Поход за походом легко объяснить —
Должны за бедою беда

И веру, и правду, и душу сломить,
Но только не смогут тебя победить.
Удерживать – будут всегда.

Нет драме начала, не будет конца;
А скобки «пролог – эпилог»
В себе заключают рассказ от лица
Свидетеля. Будет ли он отрицать,
Что сам всё осмыслить не смог?

Как было бы просто писать о другом! –
Оставь, окажись и забудь.
Смотри, сколько тем безобидных кругом,
Скрути из метафор клубящийся ком –
И опубликуй где-нибудь.

Отброшены ноты, отложен мольберт –
Большое искусство простит.
Привычной трактовки событий поверх
Рассказ, резонансно встречая размер,
По собственной воле летит.

**

О, Ангел поэзии,
принц королевства созвучий,
исполненных смысла!
Да, я недостоин того,
чтобы ты подлетел ко мне
даже на выстрел:
Где горный дух реет, – конечно,
обиде и боли не место,
Но если раздавлено сердце, –
наступишь на горло и собственной песне.

Разговор с неслучайным посетителем

*Вот болезненный знак: прогрессирует ад.
Концентрический холод к тебе подступает кругами.
Я смотрю на тебя — погибает взгляд,
и кусает свой собственный хвост.
И в затылок стучит сапогами.
А. Еременко*

1.

В чертогах, где ночь не пройдет никогда,
Представьте, направлена дней череда
Туда, куда Князь пожелает.
Никто о том больше не знает.

Возьмет, например, и на линии дней
Огромною чёрною лапой своей
Он выжжет отметину — точку:
И может попасть туда — точно!

– Темнейший, к вам странный пожаловал гость.
– Гони его прочь. Мне совсем не спалось.
Сейчас я гостей не желаю.
– Но выглядит гость негодяем!

– Давай, преврати его в жалкую тлю.
Незванных гостей я не очень люблю.
Неужто заморыш не знает,
Что Князь только сам вызывает?

– Темнейший, негодник согласен быть тлём,
Лишь только бы встретиться срочно с тобой,
Вручить, как положено гостю,
Дары из отточенной злости.

– Ну ладно, давай, запускай подлеца.
Всё прутся и прутся ко мне без конца,
Спеша доносить на соседа.
От этого все у них беды.

2.

*Будут брошены все силы, миллиарды золота,
лишь бы погасить пламя Русского Возрождения.
Вот перед чем стоит сейчас Россия.
Это почище Наполеона и Гитлера
Первоиерарх Русской зарубежной Церкви
митрополит Виталий
«Литературная Россия», 1989, № 52*

Рубашка в полоску и в звёздах платок –
С козлиной бородкой вошёл мужичок,
В цилиндре и в брюках помятых,
С хитринкой в глазах нагловатых.

– Зачем ты явился, лукавый хорёк? –
Взглянув на пришельца, хозяин изрёк. –
Какую попросишь награду?
Что, денег опять тебе надо?

Зла много ты сеял, и я это знал.
Мошенничал, лгал, разорял, убивал,
Вводил повсеместно ты в моду
Богатство, цинизм и свободу.

– Темнейший, я, правда, несметно богат,
Обласкан тобой, одному лишь не рад:
Идёт всё быстрее и быстрее
Развитие Гипербореи.

Твердят про какой-то особенный путь,
С которого им никогда не свернуть,
Про душу и совесть народа,
Что выше богатств и свободы.

Без силы твоей не смогу их свалить,
Заставить былые победы забыть,
И путь их бесплодный и ржавый,
И гордость свою за державу.

– Лукавый хорёк, запредельно ты смел.
Гляди, интриган, не останешься цел!
Зачем мне проблемы пигмея?
Ты что, нанимать меня смеешь?

– Темнейший, я силой твоей восхищен,
Из смертных – и Гитлер, и Наполеон

Пытались. Но были разбиты.
– И ты попытайся. Открыто!

– Ведь были походы с различных сторон,
Но все привели к неудачам.
Решили, что не покидает их Он,
Что нужно пытаться иначе.

– Ничтожный! Ты хочешь меня заманить,
Вторгаешься в высшие сферы!
А вдруг не удастся тебе не пережить
Своей безнадёжной аферы?

Эй, Чёбос, скорее гони пришлеца!
Иначе занудству не будет конца...

Жив будет. Ему не разрушу
Подгнившую алчную душу.

Назначение Гюса

3.

Легко параллельно все книги читать –
Понятно, не хрупким умишкам чета!
Звучит устрашающий рокот –
Гудящий раскатистый хохот.

Князь книгу опять перечёл о себе
И странного Мастера грустной судьбе
И выдохнул: всё так и было.
Да, в общем, написано мило.

Гляди, как закручено лихо оно!
Но если поправить – не будет смешно:
Не то чтоб влюбленная пара, –
А всё будет жертвой кошмара!

Занятная книга, подходит сюжет.
Для нас ничего невозможного нет.
И, в целом, подходит сценарий –
Что ж, дело осталось за нами.

Задел меня тот алчноглазый хорек!

Сомнения, ничтожный, посеял.
Покинуть пора надоевший восток –
С проверкой нагряться на север.

Посмотрим, какой там особенный путь
Он им своей волей назначил.
И если смогу этот путь завернуть –
Решу неплохую задачу.

Есть счастье и горе, есть свет – и есть тень,
И ночь прогоняет сияющий день,
И я свою роль не забуду –
Пусть зло торжествует повсюду!

4.

– Спустись, хитрый Че́бос, в загон, где спит Гюс.
Пусть явится срочно, и с ним я займусь
Готовкой такого отвара,
Что хуже чумы и пожара.

– Темнейший, он здесь. Всё исполнить готов.
– Отлично. Хотел приказать я вам, чтоб
Отправились вместе скорее
На север, в край гипербореев.

Запомни как следует: будешь у них
За главного, Гюс. Всё круши за троих.
Ломай, разрушай посмелее,
Ты, Гюс, это точно сумеешь.

А ты, хитрый Че́бос, за Гю́сом следи:
Во-первых, он, боров; немного смердит;
И может не к месту нажраться,
Да спьяну потом – проболтаться.

Копытами позже займусь лучше сам:
Ступни полагаются этим самцам.
Получится Гюс толстопятым
С размерчиком тридцать девятым.

У Гюса на теле не будет волос;
А вдруг у людишек возникнет вопрос?
Ему не давай раздеваться
И голым, напившись, шататься!

А хвост был у Гюса всегда небольшим:
На дело пускай отправляется с ним.
Но только следи, Чебос, всё же.
Ведь он без штанов выйти может.

Щетину причесывай щеткой ему,
Чтоб даже вопрос не возник: почему
Торчит на загровке щетина? ...
И морды он корчит, скотина.

Когда вы раскрутите водоворот,
Пусть тихо сидит и до одури пьёт.
Когда будет нужно – узнает:
Дам знать, что его отзываю.

Ты, Че́бос, не должен быть рыжим котом!
Но облик тебе подберу я потом.
Послушайте, кто будет с вами –
Сообщниками и друзьями:

Пусть Кй́нос отважный в команду войдёт –
Смотрите, как пасть превращается в рот.
Следи, не залаял чтоб сдуру!
Его назову я Бурбу́ром.

Отправится с вами тихоня Карта́в;
Хишо́ха – нам нужен покладистый нрав;
И группа – пусть вор там на воре –
Подвешенных на договоре.

Деталей пока не положено знать.
Свободны. Готовьтесь на днях вылетать.

Перед бурей

*Простор голубой,
Земля за кормой,
Гордо реет на мачте
Флаг Отчизны родной!
Николай Глейзаров*

5.

Тайга голубая поёт и волнуется,
Из Бреста в Читу отправляется груз.

С улыбками люди гуляют по улицам,
Плывёт к катастрофе Советский Союз.

Не спят диссиденты; на кухнях прокуренных
Ведут, горячась, разговор о стране.
Какую тупую наводит тоску на них
Простая уверенность в завтрашнем дне!

Бровастые старцы, от власти уставшие,
Вползают по праздникам на мавзолей;
И детям твердят убедительно старшие,
Что жизнь становится всё веселей.

Взлетают ракеты. Крошат ледоколами
Закованный стужею Северный путь.
И крепко вбивается в юные головы,
Что с верной дороги – вовек не свернуть.

Но только всё больше тревожат сомнения,
Всё больше гнетёт – гегемонов враньё.
Цинично стремится во власть поколение
Партийцев, почуявших время своё.

В среде литераторов – зуд и брожение.
В столе истлевает возлюбленный труд.
И ждёт его только тогда продвижение,
Когда за границу его увезут.

Ну, что – Паустовский? Что – проза Катаева?
Верней написать диссидентский рассказ:
Легко догадаться: судьба предоставила
Для фронды – пробиться невысказанный шанс.

Корявые строки о сумраке лагерном,
Рабочие руки и марши под знаменем,
Кривые о вере и правде слова –
Лихая судьба воедино свела;

И теплое тело под платицем ситцевым,
И велосипед с дребезжащими спицами,
И правду жестокую с чистой мечтой;
И шрам на груди под рубиновым орденом,
И штамп наготове – предателя Родины;
И реюший флаг над Отчизной родной.

6.

*Набив межзвездной пустотой оба кармана,
Тихо, как вор, в город проникнет ночь.
И одуревший от весны дворник Степанов
Дерзкой метлой мусор погонит прочь.
А. Иващенко*

Теплым вечером долгим наполнится сквер сладким дымом и звоном.
И спешить, убирая листву, для Степанова нет никакого резона.
Как приятно в таинственный мир красоты окунуться:
Диссидентов там нет, нет собраний, кружков, революций.

Не заставит никто ежедневно читать надоевшую «Правду»
И программу смотреть – всю в победах и лозунгах – «Время».
Знать, философ-отшельник, действительно, прав был:
Просто жить – и быть самым свободным,
  притом – незамеченным всеми.

Сигареты себе покупает по девять копеек за пачку;
По утрам убирать он выходит с огромной метлою и тачкой.
Пьёт дешёвый портвейн, густой и душистый такой;
И ничто не нарушит его драгоценный душевный покой.

Дам манерных Степанов, конечно, всегда избегает.
Хоть трудящийся, – в партию всё-таки он не вступает.
Не до этой, представьте, товарищи, правда, ему чепухи.
Он подругу с работы встречает; рисует и пишет стихи.

Специально проснусь, чтоб увидеть его, утром рано.
Подарю ему томик любимых стихов Мандельштама.
Улыбнется Степанов и спросит, волнуясь, откуда?
Так вот просто случится у нас во дворе долгожданное чудо.

Как за вечер осенний, подаренный мне, – благодарен природе!
Как Степанов, метущий листву, безгранично свободен!
Как от жадности тесной и глупости он отстранён!
Потому что он просто на свете живёт и влюблён.

7.

А мальчишка, который идет через сквер, не заметит, как чист он:
Потому что купил конденсаторы, провод, диод и транзистор.
Он приемник в коробочке крохотной сам соберёт,
И начнется в мечту предназначенный мальчику взлёт.

Он мечтает учиться и строить, и жить на пороге космической эры,
Увлеченно решает задачи, готовится в ВУЗ, хочет стать инженером,
Чтоб со временем, звонко зовущим вперед, быть всегда наравне.
Он с друзьями своими растет в самой лучшей стране.

8.

В это время хитрец-мужичок, умудрённый витийством,
Был направлен учиться в университет Колумбийский.
Вместе с ним, изошрён и предательской верен судьбе,
Был направлен учиться способный на всё капитан КГБ.

Костью в горле мешала огромной страны грандиозная стройка.
Первый в космос полёт и глушковский компьютер – не только!
Как так можно – бесплатно учить и лечить?
Мужичка с капитаном готовили – всё развалить.

Мужичок с ноготок, архитектор большой перестройки,
Мужичок-никудашка возницей страдалицы-тройки
По расчету заморскому хитрому стал.
Как такому не верить – неловкий, неброский,
Мужичонка простецкий: посмотришь – свой в доску;
Да теперь не упомнить, о чем бормотал.

Шесть кварталов в Манхэттене – славное место.
Удалось замесить – не поверили сами! – гремучее тесто.
Ну а дальше, известно, что с нами случилось:
В это тесто попал свой, давно ожидающий, вирус.

Песенка диссидентов

9.

Мы живем, но под собой не чувствуем страны,
Потому что нам поездки за рубеж нужны:
Свежий дух витает там и буйствует свобода.
Здесь – беда кромешная и лагерь для народов.

Ох, и злые карлики здесь руководят,
Они все еле ходят, еле говорят!
Хоть залезь на гору, хоть подайся в лес –
Всюду встретишь Славу Капэээсэс.

Надоели песенки о синей нам тайге,
Блуд труда увесистый с туманом в рюкзаке,

И цензура злобная, и торжество обмана –
Не хотят печатать наши повести, романы!

Эх ты, брат наш Слава свет Капэээс!
На скалу отвесную даже ты залез!
И, в газету втиснутый, ты почти всегда
Попадаешь с прихрустом – не скажу куда.

Не дают, что пожелаешь, здесь нам говорить,
Не дают нам жить свободно, мыслить и творить.
Вот когда мы к ним приедем – нас оценят там,
Всё оплатят, всех рассадят по своим местам.

Ох, и злые карлики здесь руководят,
Они все еле ходят, еле говорят!
Хоть залезь на гору, хоть подайся в лес –
Всюду встретишь Славу Капэээс.

10.

*Не веря кровному завету,
что так нельзя,
ушли бродить по белу свету
мои друзья.*

Борис Чичибабин

Но молчит, им внимая, больная страна.
Волга так же течёт, как во все времена.

Ты страну покидаешь родную,
Поспешив променять на чужую?

Ты от страха готов своего убежать,
Но не будет никто тебя в том убеждать,
Что ты смог бы собой здесь остаться
И, поверив в талант, состояться.

Но не мог ты любить так родной свой Арбат,
Как любил его преданно грустный Булат,
Как любить можно окон московских тепло,
Как любить, когда снегом страну замело,

Когда скована Родина острым безжалостным льдом
И от боли кричит исковерканным пытками ртом,
И когда поднимается снова с разбитых колен,
Разрывая постылых цепей унижительный плен;

Потому что не мог ты любить её так,
Как любил несмотря ни на что Пастернак,
Как Свиридов любил, Шостакович любил,
Чичибабин, который
                                свой срок пятилетний отбыл, –
Ни судьба, ни холодный, жестокий Вятлаг,
Измываясь, сломить не сумели поэта никак.

Ты уедешь; и в тесной квартирке зимой
От тоски изнывая, уставший и злой,
Из картонки достанешь свой ужин
И поймешь: никому ты не нужен.

А забывших тебя будет столько – не счесть.
Вдруг узнаешь, как много талантливых есть
Молодых, устремлённых и сильных:
Вот и сказка, что сделалась былью.

Там цензуры иной – пострашнее тиски:
Только деньги оценят роман и стихи.
Запоешь, дорогой, по-иному
И потянешься к тёплому дому.

Согласись, что ты духом совсем обмельчал,
Под влиянием липким московских мещан,
Тех, что денег хотят и успеха,
И – поехать, поехать, поехать!

Ах, поехать скорее – в Москву; из Москвы;
И обратно в Москву – по наводке молвы:
Там работать должны целый день вы,
А в Москве – будут лёгкие деньги.

Все богатства огромной, могучей страны
Оказались уловом столичной казны:
За спиной диссидентов стояли
Те, что Родину разворовали.

11.

Не добром и размахом купеческим славен,
Не мерцаньем дворцов и холодною их красотой,
А служением верой и правдой державе,
Честью, гордостью, статью особой морской.

Как и морю, тебе не дано примелькаться.
И уснуть, как седой Херсонес, не дано.
Пусть немного осталось красавиц – акаций,
Но они, когда время придёт, зацветут всё равно.

Улыбаешься ли ты волне изумрудного света
Или хмуришься, видя тяжёлые тучи вдали, –
Ты прекрасен и горд – и зимой, и весной, и летом,
И, любуясь тобой, у причалов не спят корабли.

Белокаменный город, дома твои как бескозырки сомкнулись,
Над бульварами замерли, как офицеры морские – стройны.
Словно строгою серою линией к морю стремящихся улиц
В тихих бухтах фрегаты стоящие подведены.

На Приморском бульваре цветы и художников лица,
Озарённые светом морским ещё пахнущих краской картин.
Изменяется всё, но тебе не дано измениться,
Константиновский, вдаль устремляющий взор, равелин.

Словно рвётся из рам, на свободу стремясь, беспокойное море,
И, историей славной гордясь, на полотнах застыли мазки:
Солнцем светится и чистотой севастопольский дворик;
И с улыбками смотрят с холста на бульвар моряки.

Самолёты летят над дейнековским красочным морем,
И мальчишки мечтают пуститься в воздушный полёт,
Но к огромной стране приближается страшное горе
Или счастье, как многие думали, – наоборот.

Интродукция

12

Кто знал, что началась раскрутка
Давно. В селе уральском Бутка
Из раскулаченных крестьян
Происходил один смутьян.

Там – деревенская больница,
Где довелось ему родиться.
Но был помеченным крепыш:
Без пары пальчиков малыш.

Отец-кулак держал коров,
Свиней, коней и батраков,
Имел две мельницы, коляску
А также жатку-самовязку.

Смутьян учился кое-как,
Зато грубил и дрался смело.
Культияпка – левая рука
Без пальцев – запускалась в дело.

Да, он подраться был мастак.
Но кисть без пальцев – это знак.

И всё же, что ни говорите,
Смутьян закончил институт.
Прорабом инженер-строитель
Работать стал. Уловка тут
В том, что прораба, работягу
Могли принять в КПСС
(Без этого наверх – ни шагу);
И в партию смутьян пролез.

Он был мужик властолюбивый,
Но, точно, не был дураком:
Не упустив момент счастливый,
Пролез секретарём в обком.

Амбициям предела нету:
Глядишь – и первый секретарь;
И депутат Верховного Совета,
И член ЦК, и критик, и бунтарь.

Тут мужичок – возница перестройки –
И разглядел смутьянское нутро.
И начал наш прораб уральской стройки
Закручивать мозги Политбюро.

(А их мозги, простите, в самом деле,
Давно уже вертелись еле-еле).

И тут, увидевши культияпку,
В смутьяна слету впрыгнул Гюс.
Копыта превратились пятки,
И вирус поразил Союз.

Вокруг кружила с визгом стая:
Бурбу́р и Че́бос, и Карта́в,
Хишо́ха и команда Га́я, —
Спеша занять свои места́.

И словно вошки над навозом,
Возникли сва́ны там и го́зы.

— С чего начать, скажи, Бурбур? —
Спросил смутьян и балагур.
— Начни с того, что спрячь бутылку.
Не то получишь по затылку!

Считалочка

13

Раз, два, три, четыре, пять —
Вышел месяц погулять:
Посветить отпущен
Над Беловежской пущей.

Вышел месяц погулять,
Начал ножичком играть
В сумраке бескрайнем,
Да уронил случайно.

Ножик зазвенел, упав.
Подобрал его Карта́в
И поскакал аллюром —
Чтоб показать Бурбу́ру.

И сказал Бурбур: «Ну, что ж,
Им подбросим этот нож».
Тут же Шу́шка, Крав и Гюс
И зарезали Союз.

Притащили карту сразу.
Гюс, прикинув пьяным глазом,
Подбоченился, рыгнул,
И кюльтяпкой подмахнул.

Все равно свиному рылу —
Мог отрезать всё что было.
Одурев от счастья, Крав,

Усмехнувшись в свой рукав,
Потащил – куда вестимо –
Орден Юг с подвеской – Крымом.

14

Как герцог Ньюкасл гордился собой,
Как звал своих томми в отчаянный бой:
Нельзя по России ударить сильнеей,
Чем взять Севастополь – пост южных морей.

Шестой, оснащенный ракетами флот, –
Свободы и доллара грозный оплот, –
Мечтал миновать минаретный Босфор,
Чтоб взять под контроль черноморский простор.

Но был Севастополь – морской бастион,
России защитник, России заслон.
И здесь, на краю самой лучшей земли,
Красавцы стояли в строю – корабли.

Следил за чужими твой чуткий радар,
Не мог и подумать, что в спину удар
Свои нанесут – ничего нет страшней:
Своим не ответишь, любимец морей.

Принес тебе ветер суровый ответ:
Такого предательства в памяти нет.
Ни Ленин, ни Сталин, ни царь и ни зек
Такое свершить не смогли бы вовек.

Картавый министр и пьяный прораб
Сильнее, чем русский военный генштаб,
Сильнее присяги кривые слова...
И, деньги считая, притихла Москва.

Был твой этот миг, – ты был слаб, адмирал.
Забыл, как Нахимов в бою умирал?
Чего ты боялся? Нарушить приказ,
Который предатель отдал в этот раз?

Министр Карта́в в Севастополь спешит:
– Молчите! Не нужен нам в городе Шмидт!
Сидите спокойно, осколки страны!

Волнения в городе нам не нужны!

15

Прижавшись к причалу, корабль стоит,
И флаг нежеланный на мачте висит –
Поджатый, как хвост посрамлённого пса.
Знакомая всем от звезды – полоса.

Не ты победил Севастополь, варяг.
Был предан и погран Андреевский стяг.

Сильнее присяги кривые слова.

Сияет огнями родная Москва.

Шабаш

16

Бес остановился
и обмяк как тряпка:
После пьянки так носиться –
нету сил;
Грязной
омерзительной своей культяпкой
Ствол березки молодой схватил.

В свете от зелёных
рваных молний
Тени омерзительных гримас;
И вообразить страшнее морды
Невозможно, уверяю вас.

Хохот, сквернословие и стоны
Извергались зверем изо рта.
Кто-то хитрый,
злой,
рыже-зелёный
Вместе с ним –
похожий на кота.

Взвился вверх,
рванул культяпкой крышу,
И, ругаясь матом все сильнее,

Раздробил копытом
                        грязно-рыжим
Несколько высоких тополей.

– Всё, остановись,
                        козёл мордатый,
Разговоры всякие пойдут!
– Так и испугаюсь их!
                        Куда там!
Я теперь хозяин, понимаешь, тут!

Холуи трусливые,
                        бляха-муха,
С ними могу делать я –
                        что хочу!
Будут жрать дерьмо,
                        будут жить в разрухе,
За холуйство жалкое – проучу!

Вдруг спустился вниз,
                        и под сильным ливнем
В середине лужи мочиться стал.
– Эти холуи ещё меня похуже!
Потому-то
                        Он
                        жалеть их и перестал.

– Shut úp, ass hóle! – заорал рыже-зелёный,
– Опять зарываешься? с копытами – опять?
Темнейший узнает – и будешь, туз краплёный,
Сам дерьмо, как холуи твои, жрать!

Ревела буря, металась по городу,
В ночи грохотала
                        рупором беды.
По рельсам
                        копытами
                        били кот с боровом;
Звенели от ударов
                        Чистые Пруды.

Поверь мне, читатель, – ничего я не выдумал.
Видел сам той летней ночью грозовой,
Как по переулку
                        Подсосенскому

прыгали

Пьяный Гюс

и Чебос –

рыжий хвост задрал трубой!

17

Начал ездить Гюс по свету –
Поздравленья принимать,
Ну а Че́бос – гнать монету,
Капиталы наживать.

Пока все в прострации –
Давай приватизацию!

Кто прильнул пиявкой к газу,
Кто – к якутскому алмазу,
Никель, сталь и алюминий
Поделили между ними –
Налетевшей шайкой мутной,
Разъедавшей поминутно
День за днём и год за годом
Все, что создано народом.

Ну а что же сам народ?
Трёт глаза и водку пьёт.

Получай свою отраву!
Помнишь, как трубили славу?
Мол, великий ты народ?
Вышло всё наоборот.
Получилось всё иначе:
Дал себя ты одурачить.

И терзать себя кончай:
Заслужил – так получай!

Всё смешалось в диком танце
И летят во все концы
И литовцы, и британцы,
Шведы и американцы,
И поляки – молодцы!

В этом танце – рыжий Че́бос
Хореограф записной.

Безразлично смотрит небо
На разруху и разбой.

В этом танце миллионы
Задохнулись от нужды.
Здесь царят свои законы
Злой наживы и вражды.

Ну, и где особый путь?
Разгляди сквозь эту муть!

Встреча с Юностью

18

Темнейший решил посмотреть результат.
И в целом, конечно, остался он рад.
– Да, здесь вам уже не халтура:
Тут Че́бос резвился с Бурбу́ром;

Разруха и беды, гроза над Москвой.
Но что тут за женщина передо мной?
Да я же сейчас её сдуну!
– Ты кто?
– Вы не знаете? – Юность!

Сияет бессовестно. Ей наплевать,
Как мне нелегко всё вокруг разрушать,
Топтать полумертвые души.

– Ты можешь немного послушать?
Я ваши устои, обычаи, славу,
Обманом и грязью сражу; и в канаву
Истории брошу поверженный прах.
Вот так, если выразить всё в двух словах.
Я всем дам свободу. Цензуры не будет
В привычном всем смысле. Но алчные люди
Закроют внезапно открывшийся вход,
Заткнут его властью желанных банкнот.

– Послушай, старик, ты меня утомил.
Ты не интересен, не молод, не мил.
Мне скучно. Ведь знаю я всё наперёд:
Грязь быстро засохнет, цветок прорастёт.

– Да, верно, так будет. Весенней порой
Цветок прорастёт. Только чёрной дырой
Пробоина в совести будет зиять.
И в этой дыре вам дано прозябать.
Могу заглянуть лет на тридцать вперед,
Где ты, утомлённая грузом забот,
С запудренной сеткой морщин вокруг рта
Уже начинаешь на жизнь роптать...

– Уймись, злой старик. Твой неверен портрет.
Я – Юность; я – жизнь; мне старения нет.
Над этим – не властен ты. Здесь – только Он!

– Уже замолкаю. Всё понял. Пардон!

Входит Бродский

19

Входит и, не улыбаясь, выговаривает сухо,
Что с тобой пришлось расстаться – вот какая невезуха.
Что писал письмо генсеку. Но партийная натура
Не нуждалась в человеке для родной литературы.
Раз не с хором вместе он –
Значит, лезет на рожон.

А когда коллег по цеху кто-то спрашивал об этом,
Говорили: «В Ленинграде – много неплохих поэтов».
Сомневались, рассуждали,
Красовались, проморгали,
Но на правильную ногу
Становились понемногу.

– Объясни, нам, если можешь, почему кругом разруха?
Прочему в таком кармане, где добра полно, – прореха?

– Нужно уважать друг друга,
Человеку – человека.

Слишком деньги входят в моду.
Посмотрите, кто вас продал,
Предал кто за тридцать центов
Купола, Неву, заводы,

Книги, ноты, монументы.

Осуждать вас – не желаю,
Пожалеть? – не пожалею.
Стукачи и вертухаи,
И вожди, и диссиденты –
Разбежались, поостыли.
Что хотели – получили.

Входит Пушкин

20

Давно, друзья, я вас оставил,
И бесконечно изумлён,
Какими вы сегодня стали
Над прахом погранных знамён.

Что ни обличье – то уродство;
Что ни чиновник – плут и вор.
Забыты честь и благородство,
И всяк воздвиг себе забор.

Бес водит вас давно, я знаю;
И словно вижу наяву,
Как нечисти хвостатой стая
Дробит копытами Москву.

У них теперь закон и золото:
Гуляют – там, воруют – тут
Безмерно. И за всё расплаты
Положенной – давно не ждут.

Приди же, русский дух несметный,
Узри гниющую толпу!
И строго вняв словам поэта, –
Веди к позорному столбу!

Входит хитрый Солженицын:

21

Как могло всё развалиться?
Почему я не у дел?

В чем же мне теперь виниться?
Обустроить жизнь хотел!

Если б мог – свободы ратник –
Я, надевши снова ватник,
Дальше жить бы вас учил.
Но теперь уж – нету сил.

До конца боролся с дубом,
Грыз его последним зубом,
Смаковал щербатым ртом
И кропил – за томом том.

Так что, всё: ругать – постой:
Я теперь – как Лев Толстой!
Ни минуты не молчал!
Не грубите, что стучал!

Тили-тили, трали-вали –
Все сидели, все стучали,
Все страдали от режима,
Все – голодные, босые.
Не понять: и как смогли мы
Погубить свою Россию?

22

*... у хранителей святыни палец пляшет на курке,
Знак червонца проступает вместо лика на доске,
Диверсанты ходят строем по Болотной и Тверской
Я боюсь, что сыт по горло дневнерусской тоской...
Б. Гребеничиков. Концерт «Огонь Вавилона»*

На Болотной – эй, вставай-ка! – революция идёт!
Где отважный Навалёйко? Он повстанцев поведёт!
Он оранжевый и белый,
Поведёт вперед вас смело,
Так шагай за ним,
Маршем молодым!

Он Нью-Хейвене обучен
И поэтому он лучше
Жуликов – воров.
Не какой-нибудь повеса –
Он извлек из «Кировлеса»
Пару пустячков.

Мы очистимся от мути –
Будем как в Коннектику́те
Жить – не горевать.
Лозоплёт и парикмахер –
Весь в бухгалтерской бумаге –
Знает что сказать.

Не шпион – кройла честный,
Он умеет – всем известно –
Так руководить,
Что коррупция трепещет:
Он её надёжно в клещи
Может ухватить.

А когда ухватит верно,
Будет...
...дождик непомерный.

Мокрая земля.
Пахнет плесень скверно.
Выползает тля.
Хочет быть заметной,
Ярко красит рот.
Для нее запретным
Не бывает плод.

Хорошо мокрице,
Когда всё гниёт!
В мкадовском корытце
На прогулку в Ниццу
Зелень соберёт!
(Места нет другого и не может быть,
Где ей так несложно зелени добыть).
Зелень жрать до рвоты
Можно только тут.
Пашут идиоты,
Воют патриоты –
Песенки поют.

Если б так рубилась
Зелень за кольцом,
То туда б свалила
С крашеным лицом.
Только две причины
Остаться тут:

Тля – не балерина;
Плесень не возьмут:
Ведь её засушит первородный труд.

И какая плесень кинется туда,
Где зияет пропасть честного труда?

В мкадовском корытце,
Спрятав в зелень рыльце,
Процветает тля.
Льёт гнилую воду,
Требуя свободы,
строго говоря:
«Просто отвалите,
зелень не топчите
И болотный рай.
Выбирай мокрицу
во главу столицы,
Плесень выбирай!
И страну тоже
Тля кривая сможет
Под дождем рулить!
Все мокрица сможет,
все что нужно – сгложет.
Дождик будет лить!».

Поползет умело
Бледная химера
Гюсовским путём.
Воспоют поэты.
Продадут билеты.
Меч сдадут на лом.
Землю и орало,
Чтобы не орало,
Отдадут внаём.
В мкадовском корытце
Хватит чем живиться
В случае любом.

23

Хитрый Чёбос под ковром –
Не видать копыта.
В интерьере с ним вдвоём
Дочь антисемита.

В щель забился злой Бурбу́р
От недоброй славы.
Пучеглазит на сумбур
Брат его картавый.

Громко лают Сван и Гоз,
Воют, что есть силы –
Прямо бросятся всерьёз
«Защищать» Россию.

24

А в туманном Альбионе
Иск два богача в законе
Друг на друга подают;
А в завьюжной дальней дали,
Где не всё разворовали,
Бесы разные снуют.

В яме гнилой и грязной
Смрадной массой безобразной
Кружится водоворот:
То бурбу́рится

        коряво,

То картавит

        влево – вправо,

То чебо́сит

        взад-вперед.

Кто помельче – с комарами
Над болотными парами
С визгом вьётся – гнили рад.
А в бездонном мракобесье
Как всегда кульпяжкой месит
Жижуху чёрную прораб.

Он от браги

        мутной

        пьяный,

Он

        под грамотой

        охранной –

Не извlechь его ковшом!

Связан

        тайной

        кровной клятвой,

А вернуть её обратно
Как бы было хорошо!

Эпилог

25

*Русский народ низко пал, но в нем скрыты великие возможности
и ему могут раскрыться великие дали. Идея народа,
замысел Божий о нем остается и после того, как народ пал,
изменил своей цели и подверг свое национальное
и государственное достоинство величайшим унижениям.*

Н. Бердяев

Суд времени – потешного замеса.
Сидели на скамье два мелких беса:
Коротких лживых ножек не видать.
Но зря они копытцами сучили:
Их только пожурили и простили;
Поспорили – и разошлись гулять.

А кто раздул пожар, посеял горе, –
Тому, как прежде, по колено море:
Стучит в аду культяпкой по столу.
И далеко, в глухой и тёмной пуще,
Куда был страшный
красный зверь
отпущен, –
Росточки на осиновом колу.

*

В пыли колосса, павшего внезапно,
Покажется, что света вовсе нет,
Что не добраться из вчера до завтра,
Что тьма задушит, не придёт рассвет.

Все лицемерно, тягостно и вязко,
Как Босха проявившихся картин
Предсказывает фон – конец один;
Но не понять: когда придёт развязка.

Сонм мудрецов, роясь, найдёт ответ:
– Развязки этой не было и нет.
Зажгите фонари! Светите сами!
Что вы хотели видеть? Свет зари –
Слепыми запылёнными глазами?
– Нет. Мы ждём свет, идущий изнутри.

2013